

*Виктор Васильевич Антонов,
лауреат Анциферовской премии*

Корсини в Петербурге

В истории русской архитектуры XIX века еще много мало-известных или плохо изученных мастеров, которые построили множество зданий и пользовались влиянием и уважением среди современников. В их числе не только зодчие русского происхождения, но также иностранцы, проживавшие в России, которая зачастую становилась их второй родиной.

Сегодня имя Иеронима Дементьевича Корсини (1810–1876) известно разве что самым дотошным историкам архитектуры, хотя как зодчий он трудился целых 35 лет и создавал проекты как для Петербурга, так и для зарубежных заказчиков. Он родился в России, а умер в Швейцарии, тогда как его отец родился в Италии, а умер в Петербурге.

Фамилию Корсини носила семья известных римских аристократов, но отец будущего архитектора Доменико (Дементий) Антонович Корсини (30.1.1774–10.5.1814) к ней не принадлежал. Он родился в Болонье, где окончил местную Академию художеств. «В 1802 году нужен был для Ст. Петербургских Императорских театров искусный Декоратор из Италии и выбор пал на Корсини. Прибыв в том же

году в Ст. Петербург, он вступил в должность театрального Декоратора и вскоре обнаружил свой талант в перспективной живописи, отличную манеру и необыкновенную деятельность». Трёхгодичный контракт был подписан 7 марта 1802 года и обязывал художника работать исключительно для столичного Итальянского театра, который давал свои представления в Большом каменном театре, стоявшем на месте нынешней Консерватории¹.

Согласно второму контракту, заключенному через год, Корсини должен был «писать для *всех театров* (курсив мой – В. А.) Его Императорского Величества всякие декорации», получая ежегодно 5000 рублей вознаграждения.

Кроме декораций, в обязанность ему вменялось изготовление чертежей и моделей театральных машин. Иногда он работал совместно с П. Гонзага, наиболее известным в то время декоратором. Это относится прежде всего к оформлению в Большом театре балетов Ш. Дидло, в их числе «Клара, или Обращение к Добродетели» (1806), «Амур и Психея» (1809), «Лаура и Генрих» или «Трубадур». За декорации к балету «Флора и Зефир» художник в начале 1806 года получил в подарок перстень. Второй перстень был ему дан за «Амура и Психею»².

Особенную популярность Корсини и Гонзага снискали за оформление оперы «Князь-невидимка» (1805) К. А. Кавоса, итальянского композитора на русской службе. «Великолепие декораций, быстрота их перемен, пышность костюмов и внезапность передеваний – изумительны <...>. В первый раз в жизни удалось мне видеть такой диковинный, богатый спектакль <...>. Декорации большей частью кисти Корсини и Гонзага. Это – настоящие чародеи», писал С. П. Жихарев, любитель театра³.

Уже в 1805 году Корсини назван в списке лучших декораторов Императорского русского театра наряду с Гонзаго и Б. Джерлини. «Произведения Доминика Корсини обращали на себя внимание публики; люди образованные высоко ценили верность его рисунка, плодovitость фантазии и эффектное исполнение <...>, к тому же он был одарён светлым умом, нежным сердцем и тёплой, истинно христианскою душою...»⁴

Собранием Академии художеств 1 сентября 1811 года Корсини «по известному его искусству в живописи декораций» был выбран в

Эскиз декорации к балету «Сандрильона». Совместно с П. Гонзага

академики вместе с Б. Медичи и Ф. Торричелли. В том же году на академической выставке он показал «два внутренних перспективных вида», что говорит о нём как станковом художнике⁵.

В 1853 году сын Иероним Корсини подарил Академии художеств альбом с 20 акварелями и рисунками отца за 1803–1813 гг., который ныне хранится в Русском музее. Эскизы декораций – это архитектурные перспективы, величественные и монументальные, напоминающие работы Гонзаго и исполненные романтического настроения. Однако манера работы – более тщательная и менее вдохновенная, чем у Гонзаго⁶.

Умер Корсини «от горячки» и погребен на Волковом лютеранском кладбище. Его жена Екатерина Карловна (1791–1857) за мужа получила в начале 1816 года от Театральной дирекции 2333 руб. как единовременное пособие. Она намного пережила мужа и похоронена рядом с ним. В Московской части (в 1835 году – № 33) она владела каменным домом, где, вероятно, прошла юность её сына архитектора⁷.

Отец будущего архитектора скончался, когда сыну было всего шесть лет. Следовательно, его учителем быть никак не мог. Как пишет сам Иероним: «Образование получил в Главном инженерном училище, где сверх строительных предметов слушал также и гражданскую архитектуру. Имея к ней природную склонность, я уже занимался ею по производстве меня в инженер-прапорщики и с того же времени направлял себя на поприще архитектора».

Согласно документам, Корсини с 1826 года числился в Главном инженерном училище, в кондукторской роте, и после выпускного экзамена в 1830 году получил чин полевого инженер-прапорщика. В 1832–1836 гг. он служил в Корпусе инженеров военных поселений и занимался в основном ремонтом казарм. Во время командировки в 1835 году в Москву архитектор по пути «осмотрел в Твери казармы 7-й конноартиллерийской бригады, составил описание состояния путевого дворца в Торжке в связи с его приспособлением для штаба Уланского <...> полка». Подобное занятие было малотворческим⁸.

В следующем 1836 году Корсини поступил гражданским инженером, т. е. архитектором-строителем, в Губернскую контору казенных имуществ, а спустя два года был принят штатным архитектором в Гоф-интендантскую контору, которая подчинялась Министерству двора. Другим местом службы молодого зодчего с 1842 года стало Министерство финансов. Он был уже женат – 20 января 1837 года обвенчался в церкви Екатерининского института с юной Марией Антоновной Быстроглазовой (1814–1859), дочерью надворного советника. Свидетелем был генерал-адъютант И. А. Сухозанет, видный военный чиновник и друг дома. Через несколько месяцев Корсини принял российское подданство, будучи до этого «неаполитанским подданным», но остался католиком. В 1842 году «по обер-офицерскому чину» он получил российское дворянство⁹.

В 1845 году Корсини сообщал: «В течение девяти последних лет я постоянно занимался изучением изящной архитектуры; в 1839–1840-х годах ездил за границу с целью осмотреть классические и достопримечательные произведения зодчества и усовершенствовать себя в этом художестве». Очевидно, он побывал в Германии, Франции, Италии, как это обычно делали русские архитекторы. Только после этого архитектор стал получать настоящие заказы.

В цитируемом прошении о программе на звание «назначенного» Корсини перечисляет также произведенные им постройки: для графа Д. Н. Шереметева, графа С. Ф. Апраксина, князя А. А. Лобанова-Ростовского, дом при костёле св. Станислава, упоминая также о проекте дома статс-секретариата Царства Польского и даче купца Маркевича. В августе следующего года заданный проект «инвалидного дома в память какого-либо отечественного военного события» был представлен и искомое звание присуждено. Академиком Корсини был избран в 1849 году «за проект дома для Дворянского собрания в столице», который, однако, остался на бумаге. В это время он проживал на Литейном пр., 14, дом Шмидта, но позже переехал на Офицерскую¹⁰.

Известны адреса вышеупомянутых построек. Дом костёла св. Станислава, предназначенный для начального училища, стоит на Мастерской ул., 9 и датирован 1841–1842 гг., статс-секретариата – на пр. Римского-Корсакова, 35 и имеет фасад в стиле позднего ампира (1845–1847). Корсини был архитектором этого учреждения.

В том же стиле он, надстроив, переделал особняк графа С. Ф. Апраксина на Литейном пр., 48, который позднее его привлёк к основной переделке зданий Апраксина двора после страшного пожара. Эта реконструкция в стиле эклектики, проведённая в 1862–1867 гг., коснулась, прежде всего, торговых рядов Александровской линии по Садовой ул. 28-30. По окончании сложных работ в этом комплексе граф просил их проверить губернского архитектора П. С. Усова, что обидело Корсини, желавшего привлечь члена Академии художеств. Академия поручила это дело академикам К. К. Рахау и А. И. Кракау, который тоже участвовал в восстановлении Апраксина двора. Во дворе «производят торговлю – писал справочник – главным образом предметами одежды <...>, имеются целые ряды лавок: мебельных, посудных, <...>, книжных, кожевенных, железных, суровских и фруктовых»¹¹.

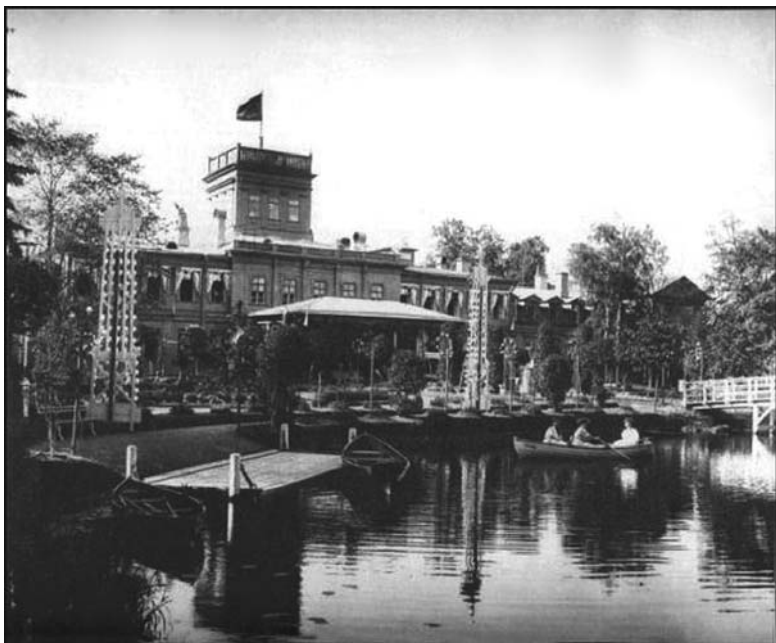
С 1837 года целых 20 лет Корсини состоял архитектором у графа Д. Н. Шереметева (1803–1871): полностью перестроил интерьеры известного Фонтанного дома на наб. р. Фонтанки, 34, и выстроил в 1845 году северный флигель. Первой работой стала великолепная чугунная ограда, украшенная золоченым родовым гербом. По преданию, она была отлита в Европе. «Все узоры – писала “Художественная

Решетка Шереметевского дворца. 1837–1838 гг.

газета” – созданы во вкусе графа Растрелли. Многие украшения, употребляемые этим великим зодчим, перенесены сюда целиком, отчего эта решётка получила решительный характер, согласный со зданием и временем его построения, и отнюдь от того не перестала быть оригинальною».

Столь же стилистически оригинально было убранство парадных и личных покоев, относящееся главным образом к 1840-м годам. Мраморный зал, украшенный белым искусственным мрамором и лепными композициями, был выдержан в ампирном стиле, также как Галерейный (Белый) зал и Малая столовая. Мотивы античной вазописи преобладают в Этрусской комнате, Ренессанса – в Официантской, барокко – в гостиных и Малиновом кабинете. Двусветный певческий класс (граф был большим ценителем церковного пения) с прекрасной акустикой перестал существовать в Певческом флигеле

Ульянка. Фотография нач. XX в.

в конце XIX века. Он тоже творение Корсини, проявившего в Фонтанном доме свой разносторонний талант мастера эклектики.

В пригородной Ульянке, в 8 верстах от Петербурга (пр. Стачек, 206), зодчий перепланировал и заново отделал фасад деревянной дачи графа, а также выстроил хозяйственные постройки. Во время последней войны дача, находившаяся на линии фронта, сгорела. Это был двухэтажный дом с бельведером и балконом, окруженный старинным парком¹².

Корсини работал в основном как ведомственный архитектор, много сил употреблявший на ремонт и незначительные перестройки, и как семейный у графов Шереметевых и Апраксиных, выполняя их заказы. Хотя его творческая деятельность продолжалась долгих 40 лет, выявленных частных построек у него довольно мало. Так, в центре Петербурга он в 1844 году возвёл четырехэтажный доходный

дом О. П. Головкина на Моховой ул., 7, а в следующем году особняк купца М. О. Маркевича на Английской наб., 12. Зодчий в 1845–1846 гг. надстроил особняк и по-новому оформил фасад, а также выстроил корпус по Галерной улице и дворовые флигели. Для нувориша был составлен и проект загородной дачи. В 1855 году в особняке поселился новый владелец – богач И. О. Утин, сын которого женился позднее на дочери архитектора.

С домом на Моховой случилась неприятная история: при его постройке в 1844 году рухнули стены, за что Корсини арестовали и посадили на два месяца на гауптвахту. Дом достраивал каменных дел мастер П. М. Карлес. Об этом эпизоде архитектор в своей биографии умалчивает. Зато он упоминает такой факт: «В 1850 году по поручению Вольно-экономического общества устроил первую в Санкт-Петербурге выставку сельских произведений», спроектировав для неё особый павильон, который, однако, не был возведён, и выставка прошла в манеже Конногвардейского полка. На ней были выставлены 3000 экспонатов, собранных со всей России. Между зданием манежа и казарм была выстроена деревянная галерея, «архитектуры лёгкой и пропорциональной», для показа лошадей-тяжелозов. Её автором, возможно, был Корсини¹³.

Как пишет в том же документе сам зодчий: «В 1853 перестроил здание Демидовского дома призрения и построил в нём домовую церковь, известную по оригинальности стиля». Дом призрения в 1833 году основал и содержал А. Н. Демидов и его наследники. Он занимал большой участок на наб. р. Мойки, 108, и состоял из комплекса разновременных зданий. Перестраивая главное и прилегающие здания, Корсини перенес домовую церковь на второй этаж; 5 декабря 1853 года ее освятил митрополит Санкт-Петербургский Никанор. Интерьер был переоформлен в «византийском стиле». В 1905 году храм был перемещён в новое здание местной гимназии, занятое ныне Академией физической культуры им. П.Ф. Лесгафта¹⁴.

До сих пор не исследованы заграничные работы зодчего, который в 1851 году исполнил для персидского шаха проект «здания Совета с восточными банями», через два года – «для австрийского императора дворянский клуб, тогда же Академию художеств для герцога Тосканского», в 1855 году «проект памятника Иоганну Якобу Берцелиусу (?) для шведского короля», в 1858 – мечеть для турецкого

султана, в 1862 для португальского короля – (архитектурные) проекты памятников Васко да Гама, Кабралю и Камоэнсу. Автор всех статуй – известный португальский скульптор Витор Баштуш (1829–1894).

Памятник знаменитому поэту Луису Камоэнсу (ок. 1524–1580) стоит в Лиссабоне на площади его имени. Камоэнс представлен в полный рост с «Луизиадой» в руке, в окружении скульптур восьми его героев, размещённых у высокого пьедестала. Открывший Бразилию Педру Альвариш Кабрал (1467/8 – ок. 1520) увековечен в памятнике в стиле необарокко, который находится в бразильском городе Сальвадор, бывшем целых два века главным городом страны, ныне это центр провинции Баия.

Недалеко от этого города Кабрал вступил на землю Бразилии. Статуя мореплавателя венчает высокую колонну с двухступенчатым пьедесталом, украшенным аллегорическими фигурами. Надо напомнить, что во время открытия памятника Бразилией правил португальский король. Все эти сведения были найдены в Интернете.

Такой же пышный и сложный вид имеет памятник открывшему путь в Индию Васко да Гама (1460/69–1524), установленный близ Триумфальной арки.

Монумент Берцелиусу (1779–1848) стоит на довольно простом пьедестале в Стокгольме, в парке его имени. Ученый изображен во весь рост и держит в руках книгу. Протестантская эстетика повлияла на строгое архитектурное решение. Памятник был открыт 13 июля 1857 года. По модели шведского скульптора Карла Густава Кварнштрёма (1810–1867) он был отлит в Мюнхене¹⁵.

По состоянию здоровья Корсини какое-то время жил в Одессе, где в 1865 году стал одним из учредителей городского общества водоснабжения. В 1874 году он переселился в швейцарский город Лозанну и там, скончавшись от инсульта, был похоронен на местном кладбище.

В семье зодчего было трое детей: две дочери Екатерина (род. 1838) и Наталья (1841 – после 1913), сын Павел (1839–1896), оставшийся холостяком, отчего род Корсини по мужской линии в России угас. Мать этих детей, красавица и выпускница Екатерининского института, была одаренной литераторшей, которая много писала для детских журналов и пользовалась благосклонностью

критики. Её произведения, как и романы для взрослого читателя, отличались «безукоризненной нравственностью» и «полезным нравоучением» в христианском духе, восхваляли семейные ценности. Корсини была знакома с Н. В. Гоголем, А. Мицкевичем, П. А. Плетневым, И. И. Панаевым, В. Ф. Одоевским, А. И. Ишимовой, издававшей книги для детей. В наши дни её произведения не переиздавались¹⁶.

Сын Павел Иеронимович Корсини в 1864 году окончил юридический факультет Петербургского университета, но «имея наклонность к лесоводству, изучил относящиеся к нему науки и занимался практикой за границей в известных своей специальностью сельскохозяйственных заведениях и учреждениях и, наконец, был вольнослушателем в Петербургской Земледельческой школе». В июне 1870 года он получил звание «кандидата сельского хозяйства и лесоводства» и был определен запасным лесничим. Дольше всего (1880–1896) Корсини служил в Рунзерском лесничестве Олонецкой губернии. Скончался и похоронен в Петрозаводске¹⁷.

Сёстры Наталья и Екатерина (позже замужем за Висковатовым) тоже учились на юридическом факультете, но Наталья его не окончила. В университете она познакомилась с Николаем Исааковичем Утиным (1841–1883), сыном богатого еврейского банкира и «правой рукой Чернышевского. Молодой человек в 1862 году стал членом «Земли и воли» и вошёл в ЦК этой террористической организации. Опасаясь ареста, в 1863 году народоволец вместе с женой Натальей бежал за границу и позднее был приговорен к смертной казни. В 1867 году Утин вступил в Первый Интернационал, создал его русскую секцию и был в 1871 году делегатом Лондонского съезда.

Супруги жили в Лондоне и Женеве, общаясь с эмигрантами-революционерами. Были знакомы с А. И. Герценом, Н. Огаревым, М. Бакуниным и Марксом. Раскаявшись, Утин получил помилование и в 1878 году вернулся в Россию, чтобы оставшуюся часть жизни работать управляющим уральских заводов барона Гинцбурга.

Его жена стала – как и мать – писательницей и публиковала в журналах свои очерки («Людоедка. Очерк из жизни русских, праздновающих за границей. 1874»), пьесы и романы. Много шума наделал ее богатый скандальными подробностями роман «Два мира» (1875) о семейной драме Герцена. Однако большой литературной известности Утина-Корсини не добились¹⁸.

Поскольку И. Д. Корсини служил в очень многих ведомствах, некоторые его работы наверняка еще не обнаружены. Думается, когда это произойдет, значение зодчего в русской архитектуре периода позднего классицизма и ранней эклектики скорее всего возрастет, а пока он выглядит второстепенным мастером, каких довольно много в это время было в Петербурге. Однако и они заслуживают изучения, потому что без них архитектурная история города выглядит определенно беднее.

Примечания

¹ Соломатина Н. Н. О службе Доменико Корсини на сценах Императорских театров Санкт-Петербурга и альбоме его рисунков из собрания Государственного Русского музея // Россия-Италия. Общие ценности : сб. науч. ст. XVII Царскосельской конференции. СПб., 2011. С. 491.

² Там же. С. 491-492; РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3923. Л. 233; Д. 3926. Л. 185 об.

³ Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театрала. Л., 1959. Т. 2. С. 290-291.

⁴ (D. Schmieder). Sanct-Peterburgisches Taschenbuch fürs Theater auf 1805. S. 76; Соломатина Н. Н. Цит. ст. С. 492.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 27; СПбВ. 1811. № 72. Приб. С. 9.

⁶ Соломатина Н. Н. Цит. ст. С. 495; Сыркина Ф. Я. Пьетро ди Готтардо Гонзага. М., 1974.

⁷ Саитов В. И. Петербургский некрополь. Репр. изд. 1912–1913 гг. СПб., 2006. Т. 1. С. 488; РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3963. Л. 119; ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 4. Д. 67. Л. 878.

⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 43. Д. 7219. Л. 3-11.

⁹ Там же. Л. 4-5.

¹⁰ РО РНБ. Ф. 708 (Собко). № 435; РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 3-К. Л. 1; Биографические сведения о членах Академии <...>, умерших в 1875–1878 гг. СПб., 1879. С. 19-21; Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. СПб., 1914. Ч. 2. С. 344; Городской указатель, или Адресная книга... СПб., 1849. С. 5; Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века. СПб., 1998. С. 1003.

¹¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 3-К; Михневич В. Петербург весь на ладони. Репр. изд. 1874 г. СПб., 2003. С. 461; Орлова М. И. Апраксин

двор // Ленинградская панорама. 1988. № 12. С. 29-30; *Апраксин П.* Апраксин двор в Санкт-Петербурге // *Архитектура Петербурга : материалы С.-Петерб. ассоциации исследователей.* СПб., 1992. С. 43-48; *Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века.* СПб., 1996. С. 170. В 1860 году Корсини выстроил внутри двора ягодный корпус.

¹² *Художественная газета.* 1837. № 22. С. 343-344; *Матвеев Б. М., Краско А. В.* Фонтанный дом. СПб., 1996. С. 73-84; *Горбатенко С.* Улянка – усадьба Шереметевых на Петергофской дороге // *Памятники истории и культуры : исследования и материалы.* СПб., 1997. Вып. 4.

¹³ *Антонов В. В.* Новое о старом. СПб., 2010. С. 134-137; *Бройтман Л. И., Дубин А. С.* Моховая улица. СПб., 2001. С. 21-22; *Никитин Ю. А.* Выставочный Петербург. СПб., 2003. С. 49-50.

¹⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 3-К. Л. 2; *Антонов В. В.* Усадьба, дворец, Дом трудолюбия // *Невский архив.* СПб., 2007. Вып. VII. С. 317-318; *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 2010. С. 207-208.

¹⁵ *Каптерева Т. П.* Искусство Португалии. М., 1990. С. 289, 315. Сведения о памятнике Берцелиусу сообщил И. В. Попов.

¹⁶ То же дело. Л. 5-8; *Русские писатели. 1800–1917 : биограф. слов.* М., 1993. Т. 3. С. 90-91.

¹⁷ РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 27723.

¹⁸ URL: [http:// ru.wikipedia.org/wiki/](http://ru.wikipedia.org/wiki/); *Павлюченко Э. А.* Женщины в русском освободительном движении. М., 1988.